

СЁХЭЙ ООКА

РОМАН

о н р
г а в
и н и
е

Сөхэй Оока
Огни на равнине

«Центрполиграф»

Оока С.

Огни на равнине / С. Оока — «Центрполиграф»,

В экзистенциальной драме, разворачивающейся на Филиппинах в конце Второй мировой войны, классик японской литературы XX века Сехэй Оока (1909–1988) с поразительной честностью и отвагой подходит к тому рубежу человеческого бытия, за которым простирается пустыня отверженности и одиночества. В России роман «Огни на равнине», удостоенный премии Емиури, издается впервые.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сёхэй Оока

Огни на равнине

Глава 1

Смертный приговор

Командир взвода подскочил ко мне и полоснул рукой по лицу.

– Болван, идиот несчастный! – заорал он, брызгая слюной. – Они что, отправили тебя обратно, да?! И ты, баран, послушался, да?! Ты обязан был объяснить им, что тебе просто некуда возвращаться! Тогда они вынуждены были бы позаботиться о тебе. Ты же сам прекрасно понимаешь: у нас не место таким доходягам, как ты!

Сержант выплевывал мне в лицо злобные слова. Я смотрел на его лоснящиеся губы и никак не мог взять в толк, что это он так разбушевался? Можно подумать, не мне, а ему вынесли смертный приговор...

Хотя удивляться тут было нечему. В армейской среде всегда так: малейшее повышение голоса автоматически влечет за собой бурный взрыв эмоций. Я уже давно подметил: с тех пор как наши фронтовые сводки сделались совсем уж неутешительными, офицеры стали чаще терять самообладание, военную выправку и выплескивали на нас, простых солдат, свою нервозность, которую уже невозможно было спрятать под маской высокомерной отстраненности.

Основным занятием нашего взвода стала добыча провианта (на самом деле отсутствие провизии превратилось в настоящее бедствие для всех частей японской армии, разбросанных на территории Филиппин). Немудрено, что в своей гневной тираде командир затронул столь животрепещущую тему.

– Послушай, рядовой Тамура, – продолжал он, – наши люди рыщут в окрестностях, пытаюсь раздобыть что-нибудь пожрать. Понимаешь?! Для нас это вопрос жизни и смерти! Мы не можем цацкаться с дистрофиками и инвалидами. – Его голос гремел все громче и громче. – Знаешь что?! Возвращайся-ка ты назад в этот проклятый госпиталь! А не впустят они тебя – просто садись у входной двери и жди! Вройся в землю, укоренись и жди! Рано или поздно им придется позаботиться о тебе. А если нет... что ж, на этот случай у тебя есть ручная граната – умри достойно! По крайней мере, ты исполнишь свой долг перед родиной.

Я прекрасно знал: сколько ни «укореняйся», сколько ни сиди перед закрытыми дверями госпиталя, попасть внутрь без должного запаса еды не удастся. Армейские врачи и весь медперсонал зависели от сухих пайков пациентов. Перед госпиталем росла толпа несчастных солдат, истерзанных страданиями и тщетными поисками куска хлеба. В воздухе витал дух уныния и обреченности. Как и меня, этих людей буквально вышвырнули из взводов и бросили на произвол судьбы.

В конце ноября мы высадились на западном побережье острова Лейте, и вскоре у меня открылось легочное кровотечение. Еще когда мы стояли на Лусоне, я все время со страхом ждал обострения болезни. Высадка и марш-бросок в глубь острова Лейте отняли у меня последние силы, и вот я опять начал кашлять кровью. Мне тут же выдали паек на пять дней и отправили в госпиталь, расположенный в горах.

Госпиталь был забит больными и ранеными. Они лежали на грубо сколоченных деревянных кроватях, реквизированных у местного населения. С головы до ног покрытые кровью и грязью, пациенты являли собой жуткое зрелище, но никому, казалось, не было до этого никакого дела.

Мое появление вызвало у главного врача приступ негодования. Он не мог понять, зачем я приперся в госпиталь с каким-то там пустячным кровотечением. Однако, сообразив, что я прибыл не с пустыми руками, а со своим армейским пайком, эскулап немного остыл и распорядился выделить мне место. Я провел в палате три дня, после чего меня объявили абсолютно здоровым и пригодным к службе. Мне ничего не оставалось, как только сложить вещички и отправиться в часть.

Диагноз пришелся командиру моего взвода явно не по душе. Раз я отдал врачам госпиталя свой армейский паек на пять дней, полагал он, то должен был провести на больничной койке именно такой срок. И я получил приказ вернуться в лазарет.

Когда я вновь предстал перед главврачом, тот расщипал и дал волю своему гневу. Из его воплей я понял лишь одно: моего пайка не могло хватить на целых пять дней. Выпустив пар, он добавил, что в любом случае продукты давным-давно закончились.

Наступил новый день, и я опять вернулся в свою роту. Я уже догадался, что меня здесь вовсе не ждут и не собираются ставить на довольствие, но мне захотелось узнать, неужели начальство действительно готово бросить своего рядового на произвол судьбы.

– Есть! – выпалил я, не сводя глаз с влажных губ своего командира. – Я все прекрасно понял. Мне необходимо вернуться в госпиталь. Если меня не примут, мне следует убить себя.

Я держался вызывающе дерзко. В обычной ситуации мои слова мгновенно вывели бы сержанта из себя. Как, какой-то жалкий рядовой смеет иметь личное мнение и нагло заявлять: «Я все прекрасно понял»? По уставу мне следовало лишь повторить вслух полученный приказ.

Но командир сделал вид, что не заметил вопиющего нарушения правил.

– Правильно. И знаешь что, рядовой Тамура? Постарайся не унывать! Выше голову! Не забывай: ты служишь своему отечеству. Я верю, что ты не опозоришь честь мундира и до самого конца останешься солдатом императора!

– Слушаюсь!

В углу комнаты, у окна, спиной ко мне сидел интендант и торопливо заполнял бумаги на ящике, служившем ему столом. Я и не подозревал, что он прислушивается к разговору. Но когда я громким голосом отчеканил приказ сержанта, интендант встал и повернулся лицом ко мне. Он прищурился, его глаза превратились в узкие щелочки.

– Так-так, Тамура. Жаль, конечно... Гм, можно подумать, что мы просто пытаемся избавиться от вас... А что бы вы сделали на месте командира взвода?! Понимать ведь надо! Держитесь до последнего! И даже не помышляйте о самоубийстве, пока не назреет такая необходимость, – назидательно изрек интендант и добавил с видом благодетеля: – Пожалуй, я выдам вам немного еды.

Он отправился в другой угол комнаты, где темнела груда корнеплодов. Это был местный мелкий картофель – камоте, который по вкусу напоминал наш батат.

Я вежливо поблагодарил интенданта и убрал скудное подавание в ранец. Меня трясло, руки дрожали. Шесть крошечных бурых комочков! И всё! Вот чего я стоил! Вот какова была мера ответственности моей родины за меня, живого человека! А ведь я готов был отдать за Японию жизнь...

В числе 6 заключалась убийственная математическая точность.

Я козырнул, лихо развернулся и шагнул к двери. Я уже вышел в коридор, когда сержант крикнул мне на прощание:

– Полагаю, тебе не стоит беспокоить господина капитана!

Похоже, я тешил себя несбыточными иллюзиями! Думал, что стоит мне только поговорить с командиром роты, как он непременно что-нибудь для меня сделает. Видимо, я все еще надеялся на то, что меня оставят в подразделении...

Кабинет капитана находился в конце коридора. Вместо двери в проеме висела плетеная соломенная занавеска. От нее веяло безмятежным спокойствием.

Прощальная фраза командира взвода развеяла мои последние надежды. Судя по всему, моя участь была решена еще несколько дней назад, когда меня в первый раз отправили в госпиталь. Хотя я и вернулся в часть, изменить что-либо уже было невозможно. Командиру взвода не оставалось ничего иного, как огласить приговор.

Я стал медленно спускаться по полусгнившей дощатой лестнице. Потoki солнечного света струились сквозь широкие щели и растекались по земле причудливыми кляксами.

Перед канцелярией рядами росли тропические кусты, усеянные увядшими плодами. Дальше темнела небольшая рощица. Несколько солдат рыли там окопы. Лопат у них не было – они ковыряли землю палками и мисками, реквизируемыми у местных жителей.

Наша рота стала сводной, ее ряды постоянно пополнялись за счет солдат, оставших от своих частей. Измотанные, истощенные, мы, как загнанные звери, затаились в маленькой деревушке. В последнее время американцы, вконец обленившись, перестали нас бомбить, но рытье окопов и траншей каким-то непостижимым образом умиротворяло, давало ощущение безопасности. Кроме того, никаких других дел у нас все равно не было.

В тени деревьев лица солдат казались темными, лишенными всякого выражения. Один из них мельком взглянул на меня и тут же отвернулся, продолжив ковырять землю.

Почти все здесь были новобранцами. Из Японии они попали на Филиппины одновременно со мной. Утомительное плавание на транспортном судне, общие тяготы и лишения сплотили нас, согрели теплом братской близости и единения.

На Филиппинах нас всех приписали к различным подразделениям. Мы влились в ряды старослужащих бойцов и мгновенно погрузились в свое обычное состояние бездушной отчужденности. Жизнь каждого солдата теперь была сконцентрирована лишь на мелких индивидуальных интересах... Да, все началось с высадки на остров Лейте. Чувство локтя, дружеской сплоченности, возникшее между солдатами, испарилось довольно быстро. Каждого медленно, но верно засасывала трясина эгоизма.

Вскоре я занемог и превратился в настоящую обузу для своих сослуживцев. И сразу же заметил, что отношение окружающих ко мне день ото дня становится все более прохладным и безразличным. Мы постоянно, ежечасно балансировали между жизнью и смертью, и примитивный инстинкт самосохранения переродился в темную зловещую силу, которая, как неизлечимая болезнь, завладела всем нашим существом, проникла в кровь и плоть, отравила мозг, деформируя личность, испепеляя в нас все, кроме примитивного себялюбия.

Сознавая все это, я особо не торопился поделиться с товарищами по оружию, теперь уже бывшими, своими бедами. Скорее всего, они уже знали о моих злключениях. Кроме того, с моей стороны было бы даже нечестно беречь им души жалобами и стенаниями. Зачем оживать в солдате человеколюбие и сострадание, похороненные где-то глубоко-глубоко внутри?

На обочине под большим деревом собрались бойцы передового дозора. Из этого элитного подразделения уцелело всего несколько человек.

Мы высадились на западном побережье острова Лейте в составе смешанной бригады одного из армейских корпусов. Значительные воинские подразделения спешно перебрасывались в район порта Таклобан на выручку частям, оказавшимся в отчаянном положении.

Едва мы оказались на берегу, как тут же подверглись массовой атаке американской авиации. Половина наших людей погибла на месте. Тяжелая боевая техника и транспортные суда, разметанные бомбами противника, канули в морскую пучину. Остаткам наших соединений было приказано продвигаться на восток и в полном соответствии с первоначальным планом преодолеть центральный горный массив острова Лейте по единственному узкому перевалу. Нашей конечной целью значился аэродром Бурауэн.

Добравшись до подножия горного хребта, мы обнаружили там малочисленные остатки передового корпуса, вышедшего на заданные позиции намного раньше нас. Как оказалось, шквальный огонь американцев стер наши войсковые соединения с лица земли.

Исходя из ситуации начальство приказало нам перейти горы немного южнее, где не было ни перевала, ни разведанных троп.

Как только мы стали карабкаться вверх по уступам, раздались залпы и с трех сторон на нас посыпались снаряды. В мгновение ока мы скатились с горы и рассредоточились по местности. Немного позже несколько рот сгруппировались в долине и разбили лагерь. Офицер связи был отправлен на базу Ормок за дальнейшими инструкциями. Когда он вернулся, по лагерю поползли странные слухи. Говорили, что из штаба получен приказ штурмовать перевал и осуществить переход через горы любой ценой. Капитан, содрогаясь от гнева и отвращения, разорвал приказ в клочья...

Таким образом, наша поредевшая рота – по количеству бойцов она равнялась взводу – теперь стояла в маленькой деревушке, приютившейся в тихой сонной долине.

Запасы продовольствия, отпущенные нам на базе Ормок, быстро закончились. После этого мы обшарили опустевшие деревенские лачуги и сараи и изничтожили подчистую найденные там кукурузу, зерно и корнеплоды. Отныне вся наша жизнь была сосредоточена на одном: как дикари, мы рыскали по окрестным полям и рощам в поисках картофеля, бананов и другой снеди. В целях повышения эффективности разведывательных и заготовительных экспедиций наша рота разделилась на три группы, которые по очереди отправлялись за добычей. Когда один отряд возвращался в лагерь с запасом провианта для всей роты, за пищей отправлялся следующий.

Во время походов наши добытчики не раз натыкались на солдат из других частей. Эти встречи сопровождалась яростными спорами и даже стычками: соперники боролись за территорию и трофеи. Неудивительно, что вскоре поисковым группам уже приходилось забираться все дальше и дальше от лагеря, чтобы найти что-нибудь съестное. Порой поход за провиантом занимал несколько недель.

Из-за обострения болезни мне нельзя было таскать тяжести, и я не мог участвовать в заготовительных экспедициях. Именно это и обусловило приговор, неотвратимый, как сама судьба: я получил приказ убить себя.

Сквозь рожицу я поплелся к дозорным. Вместо приветствия они молча уставились на меня. Я обязан был доложить офицеру о своем прибытии, но одно это уже вселяло в меня ужас. Вялое любопытство окружающих, проявление пренебрежительной жалости были мне ненавистны. Я чувствовал: все ждали, когда же я наконец произнесу роковые слова: «Меня вышвырнули вон».

Казалось, время застыло. Едва волоча ноги, я подошел к большому дереву, у которого собрались солдаты, встал перед лейтенантом навытяжку и отрапортовал по-уставному. Он внимательно слушал меня, плотно сжав губы. Его бледное лицо ничего не выражало. Я замолк, повисла пауза. Внезапно я заметил, что мой доклад оказал на офицера странное воздействие. Мне показалось, что краткий отчет о моих злоключениях напомнил ему о неопределенности его собственной судьбы. И это неожиданно возбудило в нем внутреннее беспокойство, ноющую тревогу.

– Даже не знаю, кому больше повезло, – пробормотал он глухим голосом, – вам или нам. Думаю, скоро мы получим приказ готовиться к решительному наступлению. Что ж, хоть в эту передрагу вы не попадете!

– Боюсь, в госпиталь вас не впустят, – заявил один из солдат.

– Если они меня не впустят, придется набраться терпения, «укорениться» во дворе и ждать своего часа, – улыбнулся я, повторив слова командира моего взвода.

Мне не терпелось поскорее завершить эту тягостную сцену и попрощаться со всеми. Отвесив последний поклон, я поднял голову и невольно поймал взгляд одного из солдат. На его лице застыла странная гримаса, глаза потухли. Немного подумав, я решил, что судорога, исказившая мои черты, была так же заразительна, как зевота.

Я покинул свою роту.

Глава 2

На лесной тропе

Посреди деревни росла огромная акация. Ее мозолистые корни разбегались во все стороны, пересекали пыльную дорогу, а под развесистыми ветвями всегда стояла прохладная тень.

Жители ушли из деревни. Двери и окна лачуг были наглухо заколочены. Кругом стояла мертвая тишина.

Из селения выбегала дорога, усыпанная блестящим коричневым гравием вулканического происхождения, и терялась среди зеленых полей, залитых солнцем.

Меня захлестнула волна отчаяния. Но одновременно я почувствовал, как в глубине моего кровоточащего сердца, истерзанного недоверием и тоской, пробудилась робкая, трепетная радость.

Свободен, наконец-то свободен! Я осознавал, что свобода эта досталась мне странной ценой: просто всем было наплевать на меня, никого больше не заботило, куда я пойду и чем стану заниматься. Я вырвался на волю и, перестав быть солдатом, мог провести последние дни своей жизни по собственному усмотрению.

Я уже знал, куда пойду: назад в лазарет. Я не тешил себя пустыми надеждами, прекрасно понимая, что меня не примут на лечение, – у меня появилась болезненная потребность еще раз увидеть тех несчастных, которые «укоренились» перед госпиталем. Я не преследовал никакой определенной цели. Мне просто хотелось взглянуть на людей, которым, как и мне, некуда было податься.

Я вышел из деревни. Вокруг, насколько видно глазу, простирались возделанные поля. К северу от селения, примерно в километре, начинался лес. Справа гладкое полотно рисовых полей стелилось до подножия горного кряжа, усеянного вулканическими буграми. Величественная гряда темных утесов, полчища скал, бесконечная вереница вершин и пиков формировали горный хребет острова Лейте.

Темневший передо мной лес упирался в плавно ниспадавший к самой опушке отрог. Его мягкие волнистые очертания вырисовывались в призрачном небе дивным видением, рождая в мыслях образ лежащей женщины, кокетливо обнажившей пленительно гладкую спину.

Складки отрога спускались все ниже и ниже, образуя своеобразный гамак. По впадине, ослепительно сверкая брызгами, стремительно бежала узкая речушка, метров шести в ширину, не больше. На другом берегу из-под воды вырастал пологий склон очередного отрога, который каменными волнами бежал вслед за искрящимся потоком. А где-то далеко-далеко за горами размеренно дышал океан.

Госпиталь находился от меня примерно в семи километрах. Мне предстояло пройти лес и перебраться через холмы.

На безоблачном небе ярко светило полуденное солнце. Но чистая лазурь таила в себе бурю. Невысоко над землей вражеский самолет выписывал круги на одном и том же месте. Он жужжал, как большое насекомое. Время от времени однообразный гул прерывался нестройным лаем зениток, скрытых в горах.

В открытом поле некуда спрятаться, я был виден летчику как на ладони и вполне мог стать отличной мишенью. Но я попал в такой переплет, что подобная ерунда меня больше не волновала.

Пот лил с меня в три ручья, поэтому пришлось обмотать голову платком и уже сверху нахлобучить фуражку. Закинув винтовку за спину, я бодрым шагом устремился к цели. У меня поднялась температура, но в последнее время меня часто лихорадило, это стало обычным явлением. Похоже, я был обречен, и мне хотелось прожить последние часы и минуты, дыша полной

грудью. Стоило ли обращать внимание на такие досадные мелочи, как повышенная температура?! Если болезнь не поддается лечению, то ее начинают игнорировать.

Я неумолимо шагал вперед, лишь изредка останавливаясь, чтобы сплюнуть подступавшую к горлу мокроту. Я думал о смертоносных туберкулезных микробактериях, поразивших мой организм в Японии, после того как я страшно обгорел на тропическом солнце. И мысли эти доставляли мне мучительное наслаждение.

Я дошел до лесной опушки и в раздумье остановился у развилки. Прямо узкой лентой тянулась тропинка, скользившая по холмам в соседнюю долину, где располагался госпиталь. Налево ответвлялась дорожка, которая змеилась у подножия пологого отрога, исчезала в бурной речке, появлялась на другом берегу и в конце концов тоже выводила к госпиталю. По холмам я мог бы добраться до нужного места намного быстрее, но за последние двадцать четыре часа мне довелось проделать этот путь трижды. Томимый жаждой разнообразия, я под влиянием минуты избрал иной маршрут и отправился окольной дорогой.

В лесу стоял полумрак. Стежку осеняли огромные деревья, напоминавшие дубы. У корней исполинов буйно разрослись кустарники и диковинные ползучие растения. Они простирали друг к другу ветки, сплетали побеги-щупальца. Землю устилал плотный ковер из мха и прелых листьев – здесь, в тропиках, они опадают независимо от времени года. Тропинка, как резиновая, мягко пружинила у меня под ногами. Шорох сухой листвы походил на чьи-то вздохи. Неожиданно я вспомнил, как скитался по родным просторам Мусасино. Понуро опустив голову, я поплелся дальше.

Внезапно меня пронзила странная мысль. Я вдруг осознал, что в первый раз в жизни бреду по этой тропе и никогда более моя нога не ступит на нее. Я остановился как вкопанный и медленно огляделся по сторонам. Все замерло, воцарилась мертвая тишина. Вокруг высились огромные темные деревья с необъятными прямыми стволами, широко раскинутыми толстыми ветвями и разлапистыми листьями. Исполины и правда напоминали дубы, те, что в изобилии растут в Японии. Я не знал, как они называются. Летели годы, десятилетие сменялось десятилетием, а деревья все тянулись и тянулись к солнцу. Я появился под их кронами на миг и скоро вовсе исчезну с лица земли, а после моей смерти исполины как стояли, так и будут стоять еще не одну сотню лет...

Вообще-то ничего странного в моих размышлениях, на первый взгляд, не было. Я действительно впервые пробирался по таинственному лесу в глуши Филиппин – это была простая констатация факта. Уверенность в том, что едва ли мне когда-нибудь доведется сюда вернуться, тоже не содержала в себе ничего удивительного. Меня мучило другое. Мне никак не удавалось постичь глубинную суть противоречия: я прекрасно осознавал, что иду по лесной тропе в первый раз в жизни, и почему-то именно это осознание давало мне уверенность в том, что в будущем я никогда уже не окажусь в этом месте.

С тех пор как покинул Японию, я неоднократно попадал во власть абсурдных мыслей и эмоций. Однажды в июне, когда наше транспортное судно бороздило воды Тихого океана, я стоял на палубе и всматривался в морскую даль. В какой-то миг я, как это часто бывает в наших снах, увидел себя со стороны. Я превратился в героя хорошо поставленной сцены.

Куда ни погляди, везде сверкал безбрежный темно-синий океан, линия горизонта вырисовывалась идеальной дугой, под которой водная поверхность будто вздувалась изнутри. Мы же, находясь в центре, словно проваливались в своеобразную впадину. Неподалеку над водой повисло облако с ровным нижним краем, оно напоминало рисовый колобок из тех, что подают у нас в синтоистских святилищах. Корабль скользил по волнам, а облако, как привязанное, дрейфовало рядом с нами. Не меняя формы, оно медленно вращалось, словно раскрытый веер. Волны равномерно бились в борта судна, монотонно гудели дизельные двигатели – ничто не тревожило мысли и чувства.

Однако внезапно я всем своим существом ощутил дыхание чего-то странного, таинственного, неведомого. Меня захлестнуло лихорадочное возбуждение, сопряженное с мучительно сладкой болью. Быть может, именно в то мгновение во мне возникло неосознанное предчувствие грядущего поражения и близкой смерти. В другое время я бы спокойно стоял на палубе, любуясь необычным облаком и бескрайними просторами, и представлял, как через несколько недель стану красноречиво описывать свои впечатления друзьям, которым не удалось увидеть волны Тихого океана. Откуда же взялось это стеснение в груди, эта ноющая боль? Уж не моя ли прозорливость породила болезненное смятение? Интуитивно я уже знал, что мне не суждено вернуться домой.

Кроме того, разве не предвидение гибели настолько обострило мое восприятие, что я смог уловить тайное предназначение и понять, что никогда больше не бродить мне по тропинкам загадочного филиппинского леса?

На родине, оказавшись в какой-нибудь глухомани, в непроходимых дебрях, мы никогда не испытываем изматывающего давления Странного и Неведомого, потому что в глубине души твердо верим: для нас всегда будет существовать возможность вернуться в данную точку пространства. А наше восприятие жизни? Не зиждется ли оно на изначально неверном представлении о том, что мы всегда, если захотим, сможем повторить то, что делаем в настоящий момент?

Я не испытывал ни малейшей грусти при мысли о своей неотвратимо приближавшейся смерти. Быть может, именно это предвидение усилило во мне способность наслаждаться природой, природой тропических Филиппин. Это произошло совсем недавно. Во мне словно что-то раскрылось, и я стал жадно вбирать в себя любое новое впечатление. Шагая по изумрудной лужайке перед манильским дворцом, я чувствовал, как из недр земли поднимается какая-то вибрирующая сила и вливается в меня через подошвы. Меня ослепляли огненно-красные соцветия бугенвиллии, омытой внезапно налетевшим дождем. Алое, золотое, пунцовое небо на восходе и закате, лиловые вулканы, светло-розовые коралловые рифы в белой кипени волн, темно-зеленые леса на океанском побережье – все это наполняло мое сердце несказанной радостью, близкой к экстазу. О, я был благодарен судьбе! Перед смертью она даровала мне возможность увидеть и постичь красоту, безмерность и безграничность жизни. Ведь до сих пор мое существование было не таким ярким, насыщенным, как мне бы того хотелось. Незадолго до своей кончины я обрел наконец-то радость и блаженство, ниспосланное мне судьбой. Да, судьбой! Или... Я бы сказал – Богом, если бы намеренно не избегал этого слова.

Мои мысли и чувства долго находились в смятении. Мне казалось, что зыбкое равновесие между мной, моей внутренней сущностью, и внешним миром нарушено. И вот все стало бесповоротно меняться. Процесс трансформации начался в те дни, когда меня отправили за океан воевать и убивать, а я внезапно осознал, что мне совершенно не хочется делать ни то ни другое.

Я был околдован, поработан красотой Филиппинских островов. Экзальтированная восторженность свидетельствовала о моих явных психических отклонениях. Жизнь хорошего пехотинца чрезвычайно проста и прямолинейна, она сводится к самому необходимому. Этим определяется и отношение солдата к природе. При таком подходе небольшая ложбинка, впадина в земле превращается в убежище, куда можно залечь во время артобстрела, а роскошные зеленые луга и поля – в открытое пространство, опасную местность, которую надо пересекать короткими перебежками. Пехоту вечно перебрасывают с места на место в зависимости от стратегических планов и целей. Солдат теряет связь с природой, леса, холмы и реки становятся для него чем-то лишенным истинного значения. Ощущение нелепости всего происходящего ложится в основу существования солдата, становится источником его самоотверженности и героической беспечности. Но если страх, малодушие или склонность к самоанализу и рефлексии пробьют брешь в защитном панцире, то на поверхность поднимется нечто еще более бессмысленное для человека, полного жизни, – предчувствие смерти.

Глава 3

Огни на равнине

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я медленно побрел вперед по тропе. Узкой полоской она тянулась параллельно пологому горному склону, нырявшему в лесную чащобу. По правую руку в просветах между деревьями я видел изумрудные холмы, позолоченные солнцем. Местами пуца редела, и подлесок, словно волшебная зеленая мантия, ниспадал к каменной тропе. На вершине холма темнела вереница низкорослых деревьев. Они стояли рядом, точно шеренга солдат.

Я вышел из леса. Передо мной лежала долина. Песок, голыш, гравий и редкие пучки травы – высохшее русло; по всей поверхности разбросаны островки тростника, отливающего серебром в лучах жаркого солнца. Вдали, по самому краю долины, стальной проволокой вилась речка. А за ней высился холм, огромный, как гора Ёко в родном краю Тама. Темно-зеленый покров холма становился у берега светлее: здесь широкой полосой разрослись травы. Склон плавно спускался к долине, но потом неожиданно обрывался скалистым утесом, который, казалось, вонзился в пересохшее русло когда-то полноводной реки.

Черный столб дыма поднимался на фоне отвесной скалы.

Без сомнения, кто-то развел костер. По местной традиции в это время года костры горели по всей стране – после сбора урожая зерновых крестьяне предавали огню солому и плевел. С тех пор как наши войска заняли Филиппины, мы почти постоянно видели дрожащие огни далеких костров. Лишь эти огненные сполохи свидетельствовали о том, что местное население не покинуло родные места. Филиппинцы были повсюду, они окружали нас со всех сторон, стараясь никогда не попадаться нам на глаза.

Одной из задач японских дозорных было обнаружение подобных костров. По форме и цвету клубов дыма солдаты определяли, действительно ли горят солома и ботва, или же это партизаны таким примитивным способом подают условные знаки своим товарищам по оружию.

Пелена дыма, поднимавшегося над рекой, была густой и плотной. Мои сомнения отпали: горел настоящий костер. Кроме того, он пылал на открытой площадке, а зловещие сигнальные огни почти всегда вспыхивали в труднодоступных местах. Однако мысль подойти поближе повергла меня в ужас. Пусть костер был самым обыкновенным, но ведь это означало, что рядом с ним должен кто-то сидеть или стоять, и этот кто-то – наверняка филиппинец... а для нас все филиппинцы – враги.

В первый раз я пожалел, что отправился именно этим неизведанным маршрутом. Но передо мной расстился скорбный путь, в конце которого ждала неминуемая смерть, и в такой ситуации возвращаться было нелепо.

Я осмотрел местность, скользнул взглядом по тропинке – она пересекала обширную долину и исчезала среди деревьев. Я видел контуры леса далеко впереди. Направо вставала стеной еще одна дремучая пуца, ни одна стежка не вилась у ее опушки. Из осторожности я решил не спускаться в долину, а двигаться в обход через чащобу. Мне KR3R лось, я сумею выбраться на нужную мне тропу в конце долины.

Я медленно продирался вперед, расчищая себе штыком проход в густых зарослях тропических растений. Лианы цеплялись за одежду, ветвистые кусты преграждали мне путь. В тяжелых армейских башмаках нелегко было маршировать по лесу, ноги то и дело скользили и разъезжались на прелой листве, устилавшей тропу. Чтобы не сбиться с пути, я старался не выпускать из виду кромку леса. Свет, отраженный от песчаной поверхности долины, ярким потоком лился на дубраву, окрашивал кусты папоротника в изумрудный цвет.

Неожиданно я набрел на еле заметную стежку, убегающую в глубь леса, зашагал по ней, вскоре вышел на открытую поляну и увидел небольшую хижину на коротких сваях. В двух шагах от нее стоял филиппинец. Он смотрел на меня широко открытыми глазами. Я остановился, навел на него винтовку и быстро огляделся по сторонам.

– Добрый день, господин, – заискивающе пролепетал филиппинец, застыв в раболепной позе.

Это был болезненный на вид парень лет тридцати. Из-под коротких вылинявших синих штанов торчали тощие грязные ноги. Интересно, что он делает здесь, в глуши, где ни единой живой души нет?

– Здравствуйте, – машинально ответил я на языке висайя¹ и еще раз огляделся.

Вокруг царили тишина и спокойствие. В воздухе витал неприятный резкий запах. Дверь хижины была широко распахнута, внутри никого не было.

– Добро пожаловать, господин, – сказал филиппинец, нервно хихикая и не спуская глаз с моей винтовки.

– У вас есть кукуруза? – неожиданно вырвалось у меня.

Лицо парня на мгновение омрачилось.

– Да, да, пожалуйста, – поспешно ответил он и шмыгнул за хижину.

Я последовал за ним.

На заднем дворике пылал костер, над огнем висел большой котел, в котором булькало густое желтое месиво. Рядом на земле лежала кучка желтого горного картофеля. Похоже, точно такие же клубни варились в котле. От них шел отвратительный запах. Из котелка поменьше выглядывали початки кукурузы. Парень достал несколько штук, положил в грязную глиняную миску, посыпал крупной черной солью и протянул мне угощение. А я вдруг осознал, что совершенно не хочу есть.

– Это ваш дом? – спросил я.

– Нет. Я живу вон там, за рекой. – Он махнул рукой в ту сторону, откуда я пришел.

Я не мог понять, зачем крестьянину понадобилось тащиться в такую даль лишь для того, чтобы приготовить еду. Вероятно, только здесь еще можно было разыскать горный картофель.

– А для чего вы делаете этот отвар? – поинтересовался я, указывая на котел.

Крестьянин произнес несколько фраз на своем языке, но я ничего не понял.

Я уселся на землю. Передо мной стояла миска с кукурузой. Парень по-прежнему не спускал с меня глаз, на его лице застыла вымученная улыбка.

– Вы разве не будете есть, господин? – спросил он.

Я покачал головой и смахнул початки в ранец. Я был противен сам себе: отнял еду у человека, хотя не испытывал голода.

Напряжение спало, я почувствовал себя немного спокойнее. Крестьянин казался вполне безобидным. Если честно, у нас, японских солдат, никогда не было ни возможности, ни стремления ближе познакомиться с обитателями завоеванного государства.

Филиппинец неподвижно сидел на корточках, глядя на меня в упор и улыбаясь. Наблюдая за этим человеком, я мог предположить, что им движет одно-единственное желание: угодить тирану-победителю.

И тут парню, видимо, пришла в голову прекрасная мысль, он спросил:

– А может, вы хотите отведать картофеля?

– Того, что лежит рядом с котлом?

– Нет-нет, у меня есть намного лучше. Вы только подождите немного, господин. Я сейчас же принесу вам вкусный картофель.

---

¹ *Висайя* – собирательное название нескольких родственных народов Филиппин (сибуяно, масбате и др.). Языки висайя принадлежат к австронезийской семье. (Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, примеч. Пер.)

Он вскочил и торопливо зашагал между деревьями. Я рассеянно проводил его взглядом. Филиппинец, не оборачиваясь, побежал по тропинке и вскоре исчез за поворотом.

Я заглянул в хижину. Дощатый пол зиял трещинами и был покрыт грязью. Бамбуковые подпорки накренились. На стене из неоструганных досок сидела ящерица. И я подумал: вот в таких неприглядных ветхих лачугах влачат жалкое существование большинство филиппинских крестьян, в постоянной нужде, без малейшей надежды вырваться из тисков убийственной нищеты. Раздумья навели меня на странную мысль: если я примкну к этим простым людям, то, быть может, мне удастся выжить...

Время шло, а крестьянин все не возвращался. Припомнив, как резво он вскочил и мгновенно скрылся в лесу, я ощутил беспокойство. Быстро прошел по тропинке до первого поворота, за которым исчез филиппинец, и внимательно огляделся. Вокруг меня в полнейшей тишине возвышались огромные лесные исполины. «Да ведь негодник надул меня, он сумел улизнуть!» – догадался я и дико разозлился.

Через лес я рванул к опушке и, естественно, засек беглеца: он сломя голову мчался по долине к реке. На берегу парень на секунду остановился и обернулся. Заметив меня, высоко поднял руку и погрозил кулаком. Нас разделяло слишком большое расстояние, подстрелить я его уже не мог. Мерзавец припустил дальше и вскоре исчез в зарослях серебристой осоки.

Я горько усмехнулся. Ведь в Маниле мне доводилось сталкиваться с филиппинцами. В их взглядах я читал бессильную ярость и ненависть. Конечно же давно пора было понять, что искать их расположения или дружбы – пустая затея.

Я вернулся к лачуге, опрокинул на землю котелок с желтым месивом и отправился своей дорогой. Остаться в этом месте было опасно.

Я проанализировал ситуацию и пришел к выводу: раз филиппинец перебрался на другой берег реки, следовательно, именно там прятались его товарищи. Зная это, я безбоязненно спустился в долину. Поспешно преодолев полосу песка и гравия, увидел тропинку, ведущую в лес. Я решил не дожидаться, когда вернется филиппинец с толпой своих единомышленников, и укрыться в лесу.

Меня со всех сторон окружали невысокие деревья с тонкими стволами. По обе стороны тропинки высились муравейники, их обитатели деловито сновали туда-сюда нескончаемым потоком.

Я продвигался вперед с большой осторожностью. Непредвиденная встреча с филиппинцем напомнила мне о том, что нельзя терять бдительность. Я не мог себе позволить и дальше витать в облаках, предаваться размышлениям и заниматься медитацией.

Постепенно лес начал редеть. Оглянувшись, я заметил, что из-за реки все еще валит дым. Я отчетливо видел, как от земли ввысь вдоль скалы поднимались два черных столба. А на вершине холма, который напоминал своими очертаниями фигуру человека, припавшего к земле перед прыжком, тоже курился дымок.

Дым от костров, разложенных у подножия скалы, устремлялся двумя густыми мощными потоками прямо в небо. Дымок на вершине холма тоненькой струйкой тянулся вверх, но его тут же подхватывал стремительный ветер, мотал из стороны в сторону, превращая в растрепанную метлу. Серые клочья улетали в небесную высь и, трепеща в воздушных потоках, медленно таяли.

Стало быть, дым от костров... Разный дым. Это было очень странно и подозрительно. Мне случалось ходить в дозор и стоять в карауле – я не сомневался, что на вершине холма жгли траву. Дым был сигнальным.

Тропинка дугой огибала гору, застывшую естественной преградой между лагерем и госпиталем. С южной стороны рельефный контур возвышенности будоражил воображение – он походил на изгибы женской спины, с новой же точки обзора гора предстала передо мной удивительно унылой, лишенной всякого очарования. По склону сверху донизу протянулись

узкие вздыбленные складки, напоминавшие широко расставленные ноги. В провале горного склона причудливо громоздилась зеленовато-коричневая порода, формируя гигантское каменное кресло.

Я сообразил, что мне необходимо обогнуть гребнистый скат, чтобы попасть в долину. И ускорил шаг.

Тропинка привела меня в очередные лесные заросли и распалась на две стежки. Одна бежала параллельно речному руслу, другая вилась вдоль центрального горного кряжа. Я отправился по второй и вскоре вышел на обширную равнину, покрытую сочной зеленой травой. И здесь я вновь увидел степной огонь.

Слева от меня, в сторону моря, тянулась и таяла вдаль темная масса леса. Прямо передо мной расстилалась равнина, вздымалась и резко опадала, как исполинская дюна, утыкаясь примерно в пятистах метрах от меня в полчище голых ошестинившихся скал. Они, словно плотный экран, полностью заслоняли панораму.

Я замер на месте, разглядывая пелену дыма. Нет, думал я, не из-за меня в долине и на равнине горят огни. Вряд ли вся эта возня затеяна, чтобы поймать и убить одного-единственного японского солдата. Должно быть, я по чистой случайности выбрал опасный маршрут и пересек местность, где филиппинцы жгут сигнальные костры.

У меня отвратительно засосало под ложечкой. Но не мрачные картины гибели от рук партизан порождали во мне тревогу и беспокойство. Меня словно затягивало в таинственный водоворот, в котором странным образом перемешивались, расслаивались мои чувства, эмоции и ощущения. С тех пор как я покинул Японию, подобное состояние уже не раз овладевало мной. Я, например, прекрасно осознавал, что костры в долине были напрямую связаны с рыскавшими повсюду партизанами. Но ужас мне внушали не столбы дыма, а последовательность произошедших недавно событий и количество костров!

Видимо, не что иное, как ощущение оторванности от всего человечества, порождало столь дикие, противоречащие здравому смыслу видения и образы.

Пытаясь стряхнуть с себя болезненное наваждение, я занялся изучением местности и проверкой курса.

По ширине лежавшей передо мной равнины я догадался, что она является частью той долины, в которую я и стремился попасть. Я напряг зрение: вдаль, справа, вырисовывался силуэт скал, у подножия лепились несколько зданий. Госпиталь!

Не мешкая, я отправился в путь. По крайней мере, избавлюсь от одиночества, обрету собеседников, с которыми можно будет перекинуться парой слов...

Тропинка пересекала полосу горячей травы. Я свернул направо и по плечи погрузился в заросли тростника.

Шаг за шагом я приближался к зданиям госпиталя, но взгляд мой был прикован к очагам воспламенения.

Солнце быстро садилось. Поднялся сильный ветер. Дым пеленой стелился по траве, время от времени поднимался клубами над землей и улетал в сторону леса, спускавшегося к морю.

Кругом не было ни души. Где скрывались люди, раздувшие огонь? Ответа я не находил...

Глава 4

Отверженные

Я приближался к госпиталю, шел мимо обработанных участков земли. Крестьяне успели скосить здесь траву и собрать кукурузу. Жнивье чередовалось с пустыми полосами – они тянулись к подножию холмистой гряды, которая разворачивалась каймой у меня перед глазами. Я еще раз взглянул на гору, которая так взволновала меня днем, когда я покинул лагерь. Ее мягкие очертания вновь показались мне чувственными, пленительными. Однако, когда я подобрался ближе, таинственное очарование исчезло. Чудесная зеленая мантия оказалась грубой дерюгой, сплетенной из кустарников и выющихся растений; безобразными заплатками выделялись пятна отвратительной красной глины.

Госпиталь располагался в трех деревянных домах, прежде в них жили местные крестьяне. Одно здание использовалось как служебное помещение, в двух других были обустроены больничные палаты. Два армейских врача и семь санитаров «выхаживали» пять десятков пациентов. Госпиталь был оснащен крайне бедно, буквально во всем ощущался острый дефицит. Бинты и повязки никогда не менялись, лекарства не выдавались. Первоначально госпиталь находился на побережье, но позже в ходе военных действий был перемещен в глубь острова вместе с больными и ранеными, которые могли передвигаться самостоятельно. Таких оказалось тридцать с лишним человек. Они составили костяк малочисленной группы пациентов. Чужаки допускались в палаты лишь с достаточным запасом провизии в ранце. Врачи думали только об одном: как бы поскорее избавиться от больных и прикарманить их скудные харчи. Продукты приходилось экономить. Если у пациента начиналась диарея, пусть даже в самой легкой форме, его тут же сажали на голодный паек. В таких случаях несчастный, невзирая на свои болезни или раны, предпочитал покинуть стены госпиталя, а не умирать долго и мучительно от голода на грязной койке. Таким солдатам выдавался сухой паек на один день, чтобы у них хватило сил разыскать свое воинское подразделение.

Многие отверженные были настолько слабы, что не могли ходить: проковыляв по дороге полсотни метров, в изнеможении валялись на обочину. Еще несколько дней они цеплялись за жизнь, переползали с места на место. Позже их видели лежащими где-нибудь под деревом или на краю леса. Потом они исчезали.

Пациенты, которые не могли или не хотели двигаться, «укоренялись» на лесной опушке примерно в двадцати метрах от госпиталя.

Я совершенно выбился из сил, пробираясь по кукурузному полю к кромке леса, где коротали свои дни «укоренившиеся» солдаты. Наконец я уселся в тени и отпил немного воды из походной фляжки. Меня захлестнула волна отчаяния и душевного оцепенения. Скорее всего, безысходная тоска была вызвана физическим истощением или эмоциональной отрешенностью. Я задыхался от одиночества, гнетущая пустота равнины, через которую мне пришлось идти, лишь усилила это чувство.

С моим сознанием происходило что-то странное. Время и реальность расслоились. Мне чудилось, что прошли века с тех пор, как я заметил вдали знакомые очертания больничных зданий. В какой-то миг я уже решил, что никогда не доберусь туда. Но три домика, окруженные зарослями зеленого тростника, вырисовывались в чистом воздухе четко-четко. Казалось, они находились так близко, что можно было вытянуть руку и прикоснуться к ним.

Дикая бескрайняя равнина внушала мне благоговейный страх и трепет. Таинственной силой она кружила вокруг меня, жарко и хищно дышала в лицо, давила со всех сторон и долго не выпускала из своих цепких объятий. Мучительно долго брел я по ней. Часто меня нагонял ветер, нежно гладил по затылку и с тихим стоном шептал что-то в ухо, а потом вновь

уносился прочь. Тревожно шелестел тростник. Его высокие стебли кланялись в унисон, сгибались к земле, словно придавленные огромной ногой невидимого великана, и наконец замирали, неподвижные, безучастные...

Позади меня раздался голос:

– Как, вы снова здесь?!

Обернувшись, я увидел солдата по фамилии Ясуда. Я познакомился с ним утром, когда уходил из госпиталя. Это был человек среднего возраста. Удивление вызывало его странное лицо, лишенное всякого выражения. У Ясуды была тропическая язва: одна нога отекала, раздулась и стала походить на дубину, на голени темнела страшная рана величиной с печенье, в центре которой просматривалась кость, белая, как зерна вареного риса.

Ясуда взял на вооружение местный метод лечения подобных заболеваний. Он приложил к ране лист какого-то пахучего растения, сверху добавил маленький кусочек жести и обмотал все это хлопчатобумажным лоскутком.

– Так точно. Меня не приняли в роту. Отослали обратно в госпиталь.

– Знаете, зря вы вернулись. Ничего хорошего из этого не получится, – заявил Ясуда.

Я хотел сказать ему, что пришел сюда вовсе не для того, чтобы попасть в палату. Просто-напросто я надеялся влиться в ряды незаконных поселенцев, облюбовавших окрестности госпиталя и «укоренившихся» на обочинах дороги и у кромки леса. Но слова застряли у меня в горле, потому что внезапно я осознал: то, что сначала вызывало во мне лишь интерес и любопытство, превратилось по мере моего продвижения по полям и лесам в насущную потребность. Я не мог объяснить Ясуде, как страстно я мечтал вновь оказаться среди живых людей.

– А мне больше некуда было пойти, – уклончиво ответил я. Посмотрел по сторонам и пересчитал своих товарищей по несчастью. Их было семеро. Утром здесь, на опушке, сидели шесть солдат, но один куда-то исчез, вместо него появились двое новеньких. Теперь к этой группе прибился и я.

Лишь один из нас не мог даже встать – молоденький, совсем еще зеленый солдат. У него была последняя стадия малярии. Несчастный чем-то вывел из себя одного из санитаров, и несколько дней назад его безжалостно вышвырнули на улицу. Список недугов других солдат не отличался особым разнообразием: диарея, бери-бери, тропическая язва, пулевые ранения. Многие страдали одновременно несколькими заболеваниями.

Как и я, эти солдаты, жалкие останки разгромленной армии, оказались негодными к военной службе. Всеми отверженные, никому не нужные, они превратились в отбракованный материал, непригодный для дальнейшего использования. Если военное руководство сняло их с довольствия и велело катиться на все четыре стороны, то медикам и подавно незачем было церемониться с ними.

Все пошло прахом... И только лазарет устоял – в сознании солдат. Бойцам полевой госпиталь всегда представлялся чем-то особенным. В те далекие дни, когда они, крепкие и здоровые воины, бесстрашно отправлялись на боевые задания, госпиталь виделся им надежным убежищем, последним пристанищем. Лучезарный символ защищенности и милосердия по-прежнему манил к себе солдат. Именно поэтому они не уходили от госпиталя, хотя прекрасно понимали, что успеют сто раз умереть в диких мучениях, а двери заветной обители так и останутся для них закрытыми.

Я часто наблюдал за ними, пока находился здесь на законных правах. Без сомнения, именно тогда в душе моей появилось предчувствие, что вскоре и я присоединюсь к этим людям. Из окна палаты группа солдат казалась мне большим пятном на лесной опушке. Они лежали на истоптанной траве как попало. Время от времени один из них медленно вставал с земли и бродил по округе, как сомнамбула. Эти существа походили больше на животных, чем на людей, – на домашних животных, которых выгнали из хлева. Лишенные привычного крова, они испуганно топтались на одном месте, беспомощные и потерянные.

И вот я стал одним из них. К своему удивлению, я обнаружил, что люди эти умудрились сохранить поразительное самообладание и выдержку. Я всматривался в их лица и понимал, что они не позволяли себе распускаться. Каждый пытался сохранить себя как личность. У человека по-прежнему возникали какие-то свои, личные потребности, желания и стремления, и он находил в себе силы подняться с колен и бороться до последнего.

Я смотрел на этих людей другими глазами. Они жили, дышали, двигались. Раньше мне казалось, что они бесцельно, бездумно копошились в пыли, но теперь каждое их движение наполнялось для меня новым смыслом.

Не успел я обжить лесную опушку, как дремавший неподалеку солдат встал и подошел ко мне.

– Ты принес с собой что-нибудь пожрать? – поинтересовался он, глядя на меня в упор.

Парень был истощен до крайности, кожа да кости. Стоял покачиваясь, его тело сотрясала дрожь. И я сразу понял, что он страдает диареей.

– Шесть картофелин, – признался я.

Удовлетворенный моим ответом, солдат кивнул и поплелся обратно на свое место. По всей видимости, ему было крайне важно знать, сколько у кого еды. Ха-ха! Шесть картошек! Да ты богач, настоящий миллионер, а? – проговорил молодой солдат, лежавший рядом со мной, – новобранец из последнего пополнения. У него была прострелена лодыжка, рана кишела личинками. – Жаль, что я был не в твоём подразделении, – продолжал он. – Когда нас вышвыривали из роты, каждому дали по две картошки. Сейчас у меня осталась только одна.

Он запустил руку в карман и выставил на всеобщее обозрение маленькую корявую картофелину. Мгновенно воцарилась зловещая тишина. Стало понятно: демонстрация скудного провианта являлась в данном сообществе верхом бестактности и вопиющим нарушением норм местного этикета. Юноша догадался, что совершил промах.

– Не волнуйтесь, убудки несчастные, – угрюмо буркнул он. – Я не стану просить у вас помощи! Сам справлюсь. Сегодня вечером схожу на разведку, может, удастся что-нибудь стащить. – Он посмотрел в сторону госпиталя.

– О, что же нас всех ждет впереди? – Фраза прозвучала, как реплика героя мелодрамы. Можно было подумать, что мы слушаем радиопьесу.

Вопрос задал молодой тщедушный солдатик. Он был из той же роты, что и Ясуда. Его лицо, опухшее от недоедания и бери-бери, расплывалось огромной бесформенной маской над узкой впалой грудью.

– Как что? – ухмыльнулся Картофляй, как я окрестил для себя солдата с одной картошкой. – Понятное дело: помрем все! Вот что случится! И не только с нами, а со всеми, кто торчит на этом проклятом острове! Так что можно ни о чем не беспокоиться.

– А как насчет парашютного десанта? Говорят, наши вот-вот прилетят, – неуверенно произнес другой отверженный.

– Ха! С тех пор как мы здесь ошиваемся, ты хоть раз видел наш самолет в воздухе? Днем они не смеют высовываться. Появляются лишь ночью, под покровом темноты, словно стая мерзких летучих мышей! А в последнее время их вообще не было! Если у нас здесь и высадится какой-нибудь десант – то только американский. Я, правда, думаю, они не станут возиться с парашютами. Вот увидите, это будут танко-десантные корабли EST... Да, прямо вон там! – И Картофляй махнул рукой на запад, в сторону берега.

– Мне кажется, это не так просто сделать, – включился в разговор еще один член нашей компании. – Кстати, мы по-прежнему удерживаем свои позиции на западе.

– Не знаю, не знаю, – протянул Картофляй. – Слышите свист и грохот? Это америкашки поливают огнем Ормок. Не успеем оглянуться, а они уже тут как тут.

В отдалении слышались раскаты оружейного грома. В воздухе со свистом, шипением и стоном проносилось нечто грозное, невидимое, с силой ударялось в небесный свод к северу от

нас. Необычный звук мало походил на знакомый отрывистый лай минометов. Зловещий рокот летел над равниной, разбивался о горы у нас за спиной и раскатывался дальше по долинам. Мы чувствовали, как дрожит земля.

– Орудия двадцать пятого калибра, – буркнул кто-то.

В полном молчании мы напряженно вслушивались в гул артиллерии.

– В конце концов, какая разница? – ехидным тоном произнес Картофляй. – Может, ничего страшного и не произойдет, если придут американцы. Нас, между прочим, выкинули из подразделений, так почему мы должны теперь вести себя как кучка героев, а? Ну, возьмут нас в плен... на этом все и кончится!

– Так ведь они же нас убьют, – тихо проговорил солдат, сидевший в сторонке на корточках.

– Убьют?! Нас?! А зачем им убивать нас, а? Кстати, американцы считают, что получить статус военнопленного – весьма почетно. По их мнению, если человек попал в плен, значит, он оказывал противнику стойкое сопротивление и до самого конца дрался как лев. Пленные у них на высоком счету. Они завалят нас тушенкой с кукурузой. Ешь не хочу!

– Заткнись! – сдавленным голосом сказал больной малярией и, пошатываясь, встал с земли. Его щеки пылали, глаза налились кровью. – Как ты можешь такое говорить?! Да какой ты после этого японец?

Картофляй с отсутствующим видом уставился в пустоту. На его губах блуждала кривая усмешка.

Больного малярией охватило дикое волнение. Мне даже показалось, он хотел еще что-то сказать. Солдатик прочистил горло, но внезапно рухнул на землю.

Глава 5

Лиловые тени

Столице медленно садилось, сея над горизонтом пурпурно-малиновый свет и четко обрисовывая контуры горного кряжа. Земля тонула в густеющем сумраке. Между длинными стебельками травы скользили лиловые тени. Воздух сочился пряным ароматом тропической ночи.

За рекой волнистой грядой темнели холмы. Над ними вереницей медленно ползли, словно гусеницы, облака. Они тоже сияли ярко-алым цветом.

Огни на пустоши погасли. От них не осталось и следа, лишь от земли поднимались струйки дыма. Ветер стих.

Мы лежали примерно в двадцати метрах от госпиталя и видели все, что происходило внутри зданий. Судя по всеобщей суете, там наступило время ужина. Санитары деловито сновали туда и обратно с солдатскими котелками. Врач, мужчина лет сорока, мало похожий на кадрового офицера, вышел во двор и устремил глаза в небо. Тяжело вздохнув, он искоса посмотрел на нас и поспешил внутрь здания.

Из домиков доносился шум, оживленный говор, но здесь, на краю леса, стояла гробовая тишина.

– Ну, пора нам тоже закусить, – пробормотал Ясуда. Он встал и подошел к Малярику. – Послушай, парень, если у тебя еще есть картофель, я могу его для тебя сварить вместе со своим.

Солдатик, больной малярией, слегка приоткрыл глаза, покачал головой и повернулся на бок. Либо он не хотел есть, либо у него кончились запасы, подумал я.

Ясуда, опираясь на толстую кривую палку, заковылял в глубь леса. Всем своим видом он будто хотел сказать: «А остальные могут пойти и сами сварить себе еду».

Картофляй, солдат с одной картошкой, проводил Ясуду взглядом. В его глазах полыхала ненависть.

– Грязная вонючая свинья! – с угрозой в голосе произнес он. – Готовит, понимаешь ли, картошку только для себя... в таких диких условиях! Ладно-ладно... Он, конечно, знает, как о себе позаботиться. Где-то в лесу у него тайник с табаком. Только что он таскался в госпиталь и обменивал свой табак на картошку. Мерзавец! Он, если захочет, может в любую минуту вернуться в свою часть. Но ему это даром не нужно. Он торчит здесь и проворачивает свои гнусные делишки!

– Какая муха тебя укусила, а? – задал вопрос солдат, служивший с Ясудой в одной роте. – Ты что, завидуешь, что ли?

– Как бы не так! – рявкнул Картофляй. – Меня от вас тошнит! Отвратительно, когда вы все дружно встаете на защиту этого старого негодяя. Он вам что, ломтик картошки подкидывает время от времени? Всегда-то вы на его стороне!

В ответ никто не проронил ни звука. Солдаты, опустив головы, принялись что-то жевать. Вся их еда обычно состояла из нескольких кусочков сырого картофеля. Но иногда они доставали из карманов комочки бумаги, служившей некогда оберткой для рисовых колобков, бережно разворачивали, выбирали из складок белые зернышки и отправляли их в рот. В больничный рацион ежедневно входил один колобок риса, его выдавали больным каждый вечер, на закате. По каким-то странным причинам вечерняя трапеза нашего лесного братства начиналась в полном соответствии с больничным расписанием.

Я открыл свой ранец и извлек оттуда немного кукурузы, позаимствованной мною у филиппинца. Потом зачерпнул еще одну пригоршню желто-оранжевых зерен и протянул их Картофляю.

– О, спасибо, большое спасибо! Не волнуйтесь, я завтра же с вами рассчитаюсь. – Он собрал зерна в кучку и стал их по одному закидывать в рот.

Молодой солдат, который несколько минут назад выяснял отношения с Картофляем, тихо уселся рядом с нами. Его глаза жадно блестели.

– Проваливай! – крикнул Картофляй, грубо отпихивая незваного гостя.

А тот все не уходил, медлил, поглядывая на меня с тайной надеждой. Но моя спонтанная альтруистическая щедрость внезапно испарилась. Солдатик, тяжело вздохнув, в конце концов медленно поднялся на ноги и поплелся прочь.

Я долго всматривался в изможденное лицо парня и понял, как тяжело ему далось кажущееся спокойствие. По-видимому, у бедняги не осталось ни крошки еды. Я вдруг понял, что облагодетельствовал не того человека. Но исправить ситуацию уже было невозможно. В любом случае, успокаивал я сам себя, если бы я случайно не разжился кукурузой, никому вообще ничего не досталось бы.

Картофляй вытер губы.

– Благодарю, – сказал он мне. – Никогда не забуду вашей доброты, до самой смерти буду помнить.

– Боюсь, нам недолго ждать осталось, и вам, и мне, и всем остальным, – горько усмехнулся я.

– Точно, – поддакнул он. – Ну вот, подкрепился, пора делать запасы на будущее. Как только стемнеет, я проберусь в госпиталь и сопру там, что плохо лежит.

– Я бы на вашем месте не стал этого делать, – тихо произнес я. Мне хотелось напомнить ему, что, обчистив госпиталь, он лишит еды пациентов. Но собственные доводы внезапно показались мне совершенно неубедительными.

Тут я заметил, что Малярик поднялся с земли и прислонился к дереву. Его трясло в лихорадке. Не замечая нас, он с тоской всматривался в голубевшую даль. Я проследил за его взглядом, но ничего интересного не обнаружил.

– Что с тобой? – удивился Картофляй. – Любуешься природой или что-то случилось?

Малярик обернулся, пытаясь определить, кто с ним разговаривает, но не смог сфокусировать взгляд ни на ком из нас. На его штанах проступило и расплылось большое темное пятно. На почве малярии у больного развилось недержание мочи.

Вместе с каким-то солдатом мы подошли к Малярику и обхватили его руками. Ладонями я чувствовал жар, исходивший от его тела.

– Проклятье! – пробормотал мой напарник. – Мы даже не можем поменять ему штаны.

– С этим нельзя ничего поделать, – равнодушно бросил другой солдат. – Эй ты, захочешь помочиться – дай знать. Мы поможем тебе.

Осторожно уложив больного на траву, мы с напарником вернулись на свои места.

– Бесполезно, – мрачно произнес кто-то. – Он все равно долго не протянет.

Наступила короткая пауза.

– Послушайте! – неестественно громким голосом воскликнул один из солдат. – Вы понимаете, что все мы – жалкая кучка дезертиров? – Он единственный в нашей компании до сих пор еще не прошел процедуру изгнания из родной части.

Никто не проронил ни звука.

Я встал и побрел к ручью, который серебрился в сотне метров от меня у подножия горы. Я решил набрать воды во фляжку, пока окончательно не стемнело. Догадавшись о моих намерениях, несколько солдат окликнули меня и попросили заодно наполнить и их фляжки. В результате у меня в руках оказалась целая связка сосудов.

Я плелся по тропе и размышлял. Выходило, что даже обреченные люди пытаются как-то облегчить свое существование и перекладывают часть личных проблем и забот на чужие плечи, эксплуатируют посторонних людей, таких же бедолаг, как они.

Шагая обратно по окутанному ночным мраком лесу, я увидел среди деревьев Ясуду. Он что-то варил в котелке над костром. Вспышки огня освещали его лицо, и я заметил, что оно все изрезано, словно шрамами, бесчисленными морщинами.

Глава 6

Ночь

Солнце село. Над горизонтом розовато-золотистым обручем висел закат, а над ним в темнеющем небе дрожал тонкий серебряный месяц. Вскоре малиновая дуга и блестящий серпик, словно связанные одной нитью, одновременно скользнули за горы.

Внезапно в призрачной ночной дымке зажглись сотни фонариков – это проснулись и загорелись в воздухе маленькие светлячки. Они резвились над речными протоками, взмывали ракетами над землей, вычерчивали на черном бархате ночи искрящиеся зигзаги и обводили контуры деревьев. Потом опускались на ветви и листья лесных исполинов, и те вспыхивали, точно рождественские елки.

Малярик чуть слышно стонал. Стоны вырывались у него вместе с дыханием, будто напоминание о том, что и мы должны делать вдохи и выдохи.

– Эй, отец! Вы уже спите? – раздался в темноте чей-то голос.

Мне показалось, что вопрос задал тот молодой солдатик, которому я не дал кукурузы. Сначала я решил, что он обращается ко мне, и даже поднял голову.

Однако отозвался Ясуда:

– Чего тебе?

– Как вы думаете, отец, что с нами будет?

– О боги! Перестань приставать ко мне! – отрезал Ясуда. – С тех пор как мы ушли из лагеря, ты постоянно спрашиваешь меня об этом. Сколько можно тебе говорить: поживем – увидим.

– Вам-то хорошо. Вы знаете, как с этим справиться. А вот я...

– А ты тоже напрягись и что-нибудь придумай, чтобы легче выжить было.

– Но как? У меня нет таких запасов табака, как у вас. И что мне делать с моей болезнью? У меня ведь все-таки бери-бери.

– У тебя больше шансов выжить, чем у меня. Ты бы в поля сходил, поискал там что-нибудь съедобное. Чем тебе не решение? Неужели ты думаешь, я стал бы унижаться, ползать на брюхе перед этими санитарями, если бы не мои язвы? Нет, я бы ни за что тут не остался. Ушел бы отсюда и, как дикий зверь, рыскал по полям, по лесам в поисках добычи.

– Вам очень больно? Язвы эти... они очень болят?

– Боль просто адская!

– Простите, отец. Знаете, я буду держаться рядом с вами.

– Обо мне не беспокойся. Но если ты думаешь, что можно покрутиться около меня и за это получить пару картофелин, то ничего у тебя не выйдет. Вот ведь наглость какая! Пошел бы да сам себе чего-нибудь раздобыл.

– Мне будет грустно и одиноко...

– Не валяй дурака! Кстати, сколько тебе лет?

– Двадцать один. Меня призвали в прошлом году. По состоянию здоровья присвоили вторую категорию.

– Тебе двадцать один год? Гм, значит, ты уже совершеннолетний. Вот и веди себя как взрослый человек! Когда дела принимают такой оборот, каждый мужчина стоит сам за себя. Нет смысла беспокоиться о других, нужно заботиться о себе. Скажу тебе еще кое-что: человек может целый месяц прожить на траве, корешках и листьях. Иногда даже два месяца. А потом...

– Вот-вот, а что потом?

– Ну а потом мало ли что... Не будь таким трусом. Зачем заглядывать вперед?

– Вы, отец, воспринимаете все не так, как я. Вы старше меня, вы сильный волевой человек. А я что? Я дошел до точки... Мне ничего уже не нужно... Хочу умереть!

– Ладно, хочешь помереть – пожалуйста! Чего же ты ждешь? – поинтересовался Ясуда, немного помолчав.

– Послушайте, отец, хотите, я открою вам одну страшную тайну?

– Зачем? Мне-то какое дело?

– Нет, серьезно, я вам такое сейчас расскажу... Я об этом никому никогда... Моя мать... ну в общем, она была просто служанкой в доме моего папаши. Женат он, естественно, был на другой женщине.

– И это все? Но ведь в этом нет ничего необычного.

– Да?! А я вот ни от кого не слышал такого признания... Ну, что мать у него простая служанка и все остальное...

– Обычно люди не трезвонят об этом направо и налево, как ты. Но подобных историй полно. И в книгах, и в фильмах часто такие случаи происходят.

– Ага, точно, один раз я сам видел. Киношка называлась «Мать, которую я когда-то знал». Ну, сидел я, смотрел, а потом не выдержал и ушел... с середины...

– А почему ты решил рассказать мне свою душещипательную историю именно сейчас, глубокой ночью?

– Ну, так просто. Мне захотелось поделиться с кем-то своей болью... Когда я появился на свет, мою мать с позором вышвырнули из дома. Меня, правда, оставили и долгие годы скрывали правду. Ну, вырос я, стал совершенно диким, неуправляемым. Часто влипал в разные истории, и тогда старуха, то есть папашина законная жена, взяла да и выложила мне все начистоту. Ясуда усмехнулся:

– Дикий, говоришь, неуправляемый? Что же это ты такое натворил?

– Да ничего особенного. Ну, любил вертеться с друзьями около чайных домиков... в кино ходить... Иногда в пачинко² играл.

– А чем твой отец занимается?

– Он кузнец. У него свой магазинчик в квартале Сирокава в Токио... Когда старуха мне все рассказала, я жутко разозлился и убежал из дома. Нашел работу – стал официантом в одном заведении, а потом и с обязанностями повара стал неплохо справляться.

– Ну и какие же у тебя тогда проблемы? – удивился Ясуда. – Ты оперился, встал на ноги, теперь сам себе голова. На жизнь зарабатываешь... Какая разница, кто твои папа-мама?

– Понимаете, я хотел увидеть свою настоящую мать.

– А куда она тогда делась?

– Вернулась в родительский дом в Тибе и вышла замуж. Отец дал мне ее адрес, и я отправился к ней в Мацудо.

– А, понятно.

– Ее муж мастерил зонтики, а она хозяйничала за прилавком в магазине. К счастью, мужа не было, когда я там появился. Мать, завидев меня, устроила истерику. Завопила: «Ах ты жалкий ублюдок! Да как ты только посмел появиться в моем доме!» А еще заявила, что отец не имел права давать мне ее адрес. Она дико разъярилась, орала как бешеная... Вот такие дела.

– Гм, понятно, обычная история, – пробормотал Ясуда. – Все равно, я никак не пойму, зачем ты мне это рассказал.

– Видите ли, я тогда тоже взбесился. Хлопнул дверь и был таков. Ни слова ей не ответил. Просто смылся.

– Ха, похоже, тебе нравится спасаться бегством. Но ведь ничего страшного не произошло, верно?

---

² Пачинко – игровой автомат, похожий на детский бильярд.

– Я вернулся в Токио и стал часто ходить в кино. Так и попал на фильм «Мать, которую я когда-то знал». Сидел один в темноте и смотрел. Но до конца досмотреть не смог: нервы сдали. Пришлось уйти.

– Ты, наверное, плакал.

– Нет, я был слишком несчастен, чтобы лить слезы. Просто встал и вышел из зала.

Надолго воцарилась тишина. Наконец Ясуда нарушил молчание:

– Знаешь, и у меня есть одна история. Рассказать?

– Да, да, пожалуйста! Ваша матушка тоже была служанкой?

– Нет, конечно нет! Гм, я сам отличился... Очень рано стал отцом.

– Да ну?

– Представь себе. Обрюхатил одну официантку, когда еще в школе учился. Мой старик все узнал и не позволил мне даже взглянуть на малыша, когда он родился. Вообще-то я повел себя как настоящий сопляк. Размазня! Позволил старшему брату уладить все неприятности. Он отдал ребенка чужим людям на воспитание – за деньги, разумеется, – а позже позаботился о том, чтобы мальчик получил нормальное образование. Братец держал все в тайне. Я понятия не имел, что стало с ребенком. Когда я закончил школу, мой старик подыскал мне работу в провинции. Я вынужден был покинуть Токио.

– А у вашего брата были дети?

– Тогда не было, своими он только недавно обзавелся. Долгие годы он присматривал за моим ребенком, и это продолжалось до самой смерти нашего отца. Все это время мальчишка жил на стороне. Когда мой старик дал дуба, брат привел пацана к нам в дом и объявил, что это мой ребенок. Но он заставил меня поклясться, что официально я никогда не признаю сына.

– А потом вы небось женились...

– Ага, точно. А сын-то мой, между прочим, был славным пареньком, шустрым, башковитым. Он был в тысячу раз лучше детишек моего брата.

– Сколько ему сейчас?

– Шестнадцать. Он добровольцем поступил в юношеское подразделение военно-воздушных сил.

– Правда?!

– В марте, как раз перед отправкой за океан, я съездил к нему в лагерь. Н-да, забавно... Мне даже в голову не пришло пожелать ему удачи или еще там чего-нибудь... А когда я уже уходил, пацан мне и говорит: «Берегите себя, отец».

– По-моему, вы плохой отец! – раскипятился вдруг солдатик. – Никудышный!

– Ну что ж... Теперь уже ничего нельзя изменить. В любом случае у него неплохо все складывается. Добровольцем пошел в армию. И насколько я знаю, сейчас летает где-то там, в небесах... Учитывая обстоятельства его рождения, я иногда думаю, уж лучше бы...

– Нет, молчите! Не надо! Я знаю, что вы собирались сказать. Лучше бы его убили, да? Вы не имеете права так говорить. Вы ужасный, жестокий человек! Когда-нибудь вы будете за это наказаны.

– Ты абсолютно прав! Наказание не за горами. Я сдохну как собака... прямо здесь, на этом грязном острове.

Послышались сдавленные рыдания.

– Пожалуйста, не плачь, – попросил Ясуда. – Я ведь ничего уже не могу сделать, правда?

– Знаю, но, когда я слышу о таких родителях, как вы, начинаю понимать, почему моя жизнь не заладилась. Папаша с мамашей, наверное, тоже думали, что было бы лучше, если б я умер.

– Одно не всегда следует из другого, – буркнул Ясуда. – И прошу тебя, перестань хныкать! Ты здесь не единственный, кого поджидает смерть.

– Вы ужасный, отвратительный человек!

– Если, по-твоему, я так ужасен, то чего ты тут сидишь? Катись отсюда! – решительно отрезал Ясуда. Чуть позже он тихо пробормотал: – Да, так оно, наверное, все и произойдет... На этом острове мы найдем свою смерть – я и мой сын.

В темноте раздался протяжный вздох. Я содрогнулся. Никогда не слышал, чтобы кто-то вздыхал с таким безудержным отчаянием, такой неизбежной тоской и скорбью. Откуда возник этот низкий звук, какое существо исторгло его из глубин своей истерзанной плоти, я не знал.

– Эй, парень, – снова подал голос Ясуда, – держись-ка ты рядом со мной. Я позабочусь о том, чтобы у тебя все было в порядке.

– Вы действительно этого хотите, отец? Но...

– Чего еще?

– Вы пугаете меня, честное слово!

– Послушай, парень, мы с тобой должны помочь друг другу. Но учти, тебе придется потрудиться. Завтра утром мы оба отправимся в госпиталь и выясним, нельзя ли там подработать. Ну, например, воды принести, котелки вымыть, нам ведь подойдет любая халтура. Им придется выдать каждому из нас по картошке, если мы будем пахать целый день. Понимаешь?

– Да, конечно... Но... разве я смогу сделать что-нибудь полезное с бери-бери?

– Ясное дело, сможешь, болван несчастный, – возмутился Ясуда. – Нет никакой разницы, какое задание ты будешь выполнять. Ты должен что-нибудь делать!

Они перешли на шепот. А я снова лег на траву и предался размышлениям. Внезапно я осознал всю нелепость и комичность сложившейся ситуации. Два солдата разгромленной армии превратились в героев мелодрамы: циничный соблазнитель официанток взял под свое крылышко трусливого, безвольного парня, внебрачного сына служанки. Трагическое всегда идет рядом со смешным и абсурдным. Интересно, думал я, что произойдет в ближайшие недели или месяцы с этой парой изгоев, которые мгновенно вжились в свои роли отца и сына? Ведь трудности будут только нарастать...

По странному стечению обстоятельств мне суждено было узнать развязку этой невероятной истории. Но случилось это намного позже...

Я попытался уснуть, только сон не шел. События минувшего дня будоражили сознание. Перед моим внутренним взором вспыхивали и медленно таяли образы: влажные лоснящиеся губы командира взвода, вlepившего мне оплеуху, узкие щелочки глаз интенданта, испуганные лица моих соседей по лесной опушке. Видения эти скользили, словно кадры по экрану. Память подсовывала новые и новые эпизоды, но каких-то особенных чувств я не испытывал. Бесстрастное, отстраненное восприятие собственной жизни? Без всякого сомнения, это было идеальным состоянием души для человека, попавшего в такую дикую передерягу.

А потом появились другие картины: огни на равнине. Мой одурманенный усталостью мозг прокручивал сцену за сценой. Я видел знойное, словно прокопченное небо, серебряную ленту реки и за ней – мерцающие огни костров. Дым поднимался с одинаковыми интервалами, точно пар из трубы допотопного паровоза. От вершины холма белесая струйка тянулась вверх до определенной высоты, а потом вдруг ломалась несколько раз, рисуя в воздухе огромный крючок. Загнутый конец дымной полоски дрожал, как стрелка компаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.